

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-105-127

**Онтогенез регуляции эмоций при нормотипическом развитии
и дисонтогенетических нарушениях
(на примере расстройств аутистического спектра)**

Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Аналитический обзор посвящен изучению факторов, влияющих на формирование системы регуляции эмоций в онтогенетическом развитии. Проведено сравнение формирования системы регуляции эмоций для нормотипического и отклоняющегося развития (на примере расстройств аутистического спектра). Показано взаимодействие основных врожденных факторов (уровень чувствительности к сенсорным стимулам и произвольный контроль) с факторами коммуникативной среды (формирующими привязанность к родителям, вербализацию эмоций и модель психического) в формировании адаптивной эмоциональной регуляции и дисрегуляции.

Ключевые слова

эмоциональная регуляция, эмоциональная дисрегуляция, нормотипическое развитие, расстройства аутистического спектра, чувствительность к сенсорным стимулам, произвольный контроль, привязанность, вербализация эмоций, модель психического

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925)

Для цитирования

Дорошева Е. А. Онтогенез регуляции эмоций при нормотипическом развитии и дисонтогенетических нарушениях (на примере расстройств аутистического спектра) // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 105–127. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-105-127

**Ontogenesis of Emotional Regulation in Normotypic Development
and Dysontogenetic Disorders
(Example of Autism Spectrum Disorders)**

E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Scientific Research Institute of Physiology and Basic Medicine
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The analytical review is devoted to the study of factors affecting the formation of the system of emotions regulation in ontogenetic development. A comparison of the formation of an emotion regulation system

© Е. А. Дорошева, 2020

for normotypic and deviating development (on the example of autism spectrum disorders) was made. The interaction of the main innate factors (level of sensory processing sensitivity and effortful control) with factors of the communicative environment (type of attachment to parents, verbalization of emotions and a model of mind) in the development of adaptive emotional regulation and dysregulation is shown.

Keywords

emotional regulation, emotional dysregulation, normotypic development, autism spectrum disorders, sensory processing sensitivity, effortful control, attachment, emotion verbalization, model of mind

Funding

The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project no. 18-013-00925

For citation

Dorosheva, E. A. (2020). Ontogenesis of Emotional Regulation in Normotypic Development and Dysontogenetic Disorders (Example of Autism Spectrum Disorders). *Reflexio*, 13 (1), 105–127. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-105-127

Изучение формирования регуляторных процессов в онтогенезе – одна из наиболее интригующих задач психологии развития. Ее высокая прикладная значимость связана с тем, что успешная саморегуляция тесно связана с психическим здоровьем и благополучием человека.

Цель данного исследования – рассмотреть представления о регуляции эмоций в контексте общих саморегуляционных механизмов, описать формирование системы регуляции эмоций под влиянием врожденных и средовых факторов и сравнить ход ее онтогенетического развития у детей с нормотипическим и отклоняющимся развитием.

Общие представления о регуляции эмоций. Дисрегуляция эмоций

Регуляцию эмоций рассматривают как составляющую процессов самоконтроля, неразрывно связанную с другими его компонентами – когнитивным и волевым [Сергиенко, 2018].

Выполняя функцию направления и регуляции поведения, организации функционального состояния, которое обеспечивает это поведение, эмоции, в свою очередь, претерпевают изменения после возникновения первичной эмоциональной реакции на стимул. Взаимодействие аффективных и когнитивных процессов приводит к оптимизации ответа как на уровне функционального состояния, так и на уровне поведения. При этом первоначальная эмоция может усиливаться, ослабляться, изменять свой характер, направляться на другую ситуацию или иную ее часть [Gross, 2007].

В теориях эмоционального интеллекта вводится представление об управлении эмоциями, под которым понимается такая корректировка первоначального эмоционального ответа, которая ведет к лучшему самочувствию, более адаптивному поведению (прежде всего в межличностных отношениях) [Голман, 2013]. При этом вводятся представления как об управлении своими эмоциями, так и о способности воздействовать на эмоциональные состояния других людей. Умение управления эмоциями в данной группе подходов тесно связано с пониманием своих и чужих эмоциональных реакций, в привязке к мотивам, причинам, целям поведения [Сергиенко, 2019].

Другие модели регуляции эмоций рассматривают спектр конкретных стратегий регуляции, классифицируемых тем или иным образом. Так, в получившей широкое распространение модели Дж. Гросса стратегии эмоциональной регуляции классифицируются в соответствии со временем возникновения по отношению к возникновению проблемной ситуации [Gross, 2007]. С точки зрения Дж. Гросса, это осознаваемые, частично осознаваемые, неосознаваемые стратегии. Другие авторы полагают, что к регуляции эмоций можно относить только такую модификацию первоначальной эмоциональной реакции, которая основана на наличии намерения и цели; прочие изменения эмоций не относятся к саморегуляции [Eisenberg, Spinrad, 2004]. Также, по Дж. Гроссу, выделяются условно эффективные (адаптивные) и условно неэффективные (малоадаптивные) стратегии регуляции эмоций. К последним относятся стратегии, изменяющие состояние в настоящий момент, для достижения сиюминутных целей, но ассоциированные с неблагоприятием, психопатологическими симптомами. Другие авторы относят такие стратегии к эмоциональной дисрегуляции.

Модель общей (глобальной) дисрегуляции эмоций описывает существование дефицита в любой из четырех составляющих: осознание, понимание и принятие эмоций; способность к организации целенаправленного поведения и подавлению, при необходимости, импульсивных реакций; способность модулировать эмоциональные реакции; готовность испытывать негативные эмоции в ряду значимых жизненных переживаний [Gratz, Roemer, 2004]. Н. А. Польская и А. Ю. Разваляева [2017] включают в компоненты эмоциональной дисрегуляции неустойчивость либо ригидность эмоций.

Предполагается, что общая дисрегуляция эмоций является фактором, связанным с развитием широкого круга психопатологических состояний (аффективные и когнитивные нарушения, широкий круг видов отклоняющегося поведения). Обзор шестидесяти семи исследований, в которых измерялись изменения в регуляции эмоций и в психопатологических симптомах после психологического вмешательства при тревоге, депрессии, употреблении психоактивных веществ, расстройствах питания, пограничном расстройстве личности, показал, что независимо от типа воздействия и вида расстройства как использование слабоадаптивных стратегий регуляции эмоций, так и общая дисрегуляция эмоций в большинстве случаев значительно уменьшаются [Sloan et al., 2017].

Попытки сопоставить глобальную дисрегуляцию эмоций с конкретными группами стратегий эмоциональной регуляции оказались скорее неуспешными. Так, метаанализ, направленный на выявление соответствия группировки стратегий эмоциональной регуляции теоретическим ее моделям и включивший 331 исследование, не показал удовлетворительной пригодности ни одной теоретической модели. Эксплораторный факторный анализ позволил выявить три основных фактора регуляции эмоций: сильно коррелирующие между собой факторы отстранения от ситуации и навязчивых повторений отрицательных мыслей и мало связанный с ними фактор адаптивного участия в ситуации [Naragon-Gainey et al., 2017].

В последнее время высказываются предположения о том, что основной показатель эффективности системы регуляции эмоций – это не определенный набор способов регуляции, но гибкая подстройка в выборе конкретной стратегии под осо-

бенности ситуации в зависимости от свойств личности¹ [Kobylynska, Kusev, 2019]. Некоторые исследователи полагают, что именно дефицит гибкости используемой регуляции эмоций ведет к возникновению психических нарушений (например, аффективных расстройств или пограничного расстройства личности) [Bonanno, Burton, 2014].

Гиперчувствительность и дисрегуляция эмоций

Как возможный системообразующий фактор дисрегуляции эмоций рассматривают гиперчувствительность к сенсорным стимулам (*sensory processing sensitivity*) [Aron, Aron, 1997; Neacsiu et al., 2014]. Гиперчувствительность определяется как врожденная повышенная чувствительность центральной нервной системы (т. е. снижение порогов восприятия) и как более глубокая когнитивная обработка физических, социальных и эмоциональных стимулов, связанная с большей чувствительностью к «тонким» стимулам и характерной паузой реакции в новых ситуациях (больше времени затрачивается на обработку стимула). Данное свойство темперамента связано с большей выраженностью положительных и отрицательных эмоций и частично ассоциировано с эмоциональной уязвимостью [Aron, Aron, 1997; Boterber, Warreyn, 2016].

Авторами концепта разработана шкала для измерения данного показателя, первоначально рассматриваемая как одномерная [Aron, Aron, 1997]. Позже при ревизии методики в нескольких работах было показано, что первоначальная шкала распадается на три фактора: низкого сенсорного порога и легкости возбуждения (ассоциированы с нейротизмом по Большой пятерке личностных факторов) и эстетической чувствительности (наиболее связана с открытостью опыту в структуре Большой пятерки) [Grimen, Diseth, 2016; Smolewska et al., 2006].

Некоторые авторы полагают, что гиперчувствительность в неблагоприятных условиях роста ребенка выступает фактором риска развития эмоциональной дисрегуляции при избыточности как отрицательных, так и положительных эмоций [Neacsiu et al., 2014]. Сюда можно отнести группу диатез-стрессовых моделей развития психопатологических симптомов, предполагающих, что отклонения формируются на фоне врожденной повышенной уязвимости ко стрессу в неблагоприятных условиях [Тукаев, 2012]. Другие авторы полагают, что условием развития дисрегуляции является преобладание отрицательного аффекта [Selby, Joiner, 2009].

Уменьшая стрессоустойчивость, увеличивая чувствительность к неблагоприятным условиям, гиперчувствительность, по некоторым данным, может одновременно повышать позитивную чувствительность к получению помощи [Greven et al., 2019].

Произвольный и волевой контроль и регуляция эмоций

По всей видимости, в тесной взаимосвязи с формированием механизмов регуляции эмоций находится произвольный контроль (*effortful control*) [Eisenberg et al.,

¹ Kobylynska D., Kusev P. Flexible Emotion Regulation: How Situational Demands and Individual Differences Influence the Effectiveness of Regulatory Strategies // Front. Psychol. 2019. DOI 10.3389/fpsyg.2019.00072.

2004]. Произвольный контроль часто рассматривают как более широкое по отношению к регуляции эмоций понятие – возможность регулировать разные виды активности, в том числе эмоциональные состояния, откладывая или подавляя доминантный ответ². В то же время есть основания полагать, что не все типы регуляции эмоций требуют приложения усилий, являющихся обязательной компонентой самоконтроля. Например, с точки зрения Campos et al. [2004] само развертывание эмоционального ответа представляет собой биологический процесс, включающий «встроенную» саморегуляцию, и отделить эмоциональное реагирование от эмоционального регулирования практически невозможно. Исходя из существования эмпирических данных, явно описывающих процессы разного уровня, по-видимому, необходимо четко разделять и соответствующим образом обозначать изначально произвольные и произвольные (в том числе и при формировании навыка контроля, до автоматизации) аффективные регуляторные процессы.

Согласно большой совокупности исследований, возможность произвольного контроля является одной из врожденных темпераментных характеристик и выявляется у детей к концу первого года жизни как устойчивая в будущем черта [Kochanska et al., 2000; Lengua, 2006; Rothbart et al., 2011]. Возможность сдерживания импульсов, по всей видимости, имеет двоякую природу – это высокий уровень торможения поведения, который связан с боязливостью, избеганием новых стимулов, и возможность переключать внимание, противостоять немедленному удовлетворению потребности ради отдаленной цели [Eisenberg et al., 2011]. Именно второй тип реагирования представляет собой самоконтроль [Zentner, Bates, 2008].

Феномен сходного внешнего проявления торможения при реакциях избегания и сдерживания реакции при совокупной оценке всех обстоятельств приводит к дискуссиям о природе волевого и произвольного контроля. Внешнее подобие реакций иногда приводит к тому, что эти понятия употребляются синонимично, но чаще произвольность рассматривается как принципиальная возможность откладывать доминантный ответ, вне зависимости от причин такого выбора (торможение или контроль), а воля – как способность откладывать доминантный ответ, руководствуясь, в первую очередь, внутренними потребностями, в соотношении их с внешними обстоятельствами [Черенева, 2011].

Противоположностью произвольного и волевого контроля выступает импульсивное поведение – отсутствие отсрочки или отмены доминантной, но нежелательной по каким-либо причинам в данный момент реакции [Kagan et al., 2008]. Импульсивность, по всей видимости, также имеет разные причины [Fisher et al., 2018]. Так, она может быть связана с высоким уровнем положительных эмоций, гедонистической направленностью, может являться производной дефицитарности внимания и воли.

Самоконтроль в весьма значительной степени ассоциирован с благополучием личности, обеспечивая успешную социализацию, снижение уровня экстернатальных и интернатальных проблем [Eisenberg et al., 2005]. Развитие этой черты приветствуется и является весьма привлекательным для получения социального одобрения.

² Савеньшова С. С. Эмоциональная саморегуляция: подходы к определению в зарубежной психологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN119.pdf> (дата обращения 10.09.2020).

Вместе с тем существенную угрозу для практического развития самоконтроля представляет путаница его с подавлением стремлений и эмоций – оно создает иллюзию самоконтроля, поскольку поведение при этом соответствует социальным нормам, получает социальное одобрение. Отличие же состоит в том, что в случае контроля цель достигается через отсрочку непосредственного импульса, в то время как при подавлении цель остается недостигнутой, истинная потребность нереализованной (при реализации квазипотребности, в определении К. Левина). Эта форма регуляции отлично отражается в метафоре «зелен виноград...».

Одна из современных моделей регуляции эмоций предполагает существование трех базовых типов регуляции, соответствующих описанным выше проявлениям самоконтроля: интегративная эмоциональная регуляция, которая фокусируется на эмоциях как на информационном источнике; контроль, основывающийся на уменьшении эмоций посредством избегания, подавления, принудительного выражения или переоценки; и амотивированная эмоциональная регуляция, при которой эмоции не контролируются или не регулируются. Авторы полагают, что с благополучием личности, хорошими межличностными отношениями, волевыми действиями прямо связана интегративная регуляция эмоций [Roth et al., 2019].

Сходные представления о способствующему благополучию типу регуляции эмоций высказываются в теории осознанности (*mindfulness*). Осознанность рассматривается как регуляторный навык, при котором воспринимается широкий круг внутренних и внешних стимулов, эмоции осознаются, принимаются и служат основанием для произвольного выбора реакции; на этапе его формирования лишние (не соответствующие цели) реакции отсекаются волевым усилием [Baer, Smith, 2008]. Однако исключительно важно, что именно происходит после восприятия информации на этапе выбора реакции – в случае ошибочного понимания здесь также возможно обесценивание полученной оценочной информации и избегающее поведение, маскируемое под принятие.

По всей видимости, определение осознанности должно обязательным образом включать, что для данного навыка, состояния, черты при произвольном выборе реагирования (аффективного, когнитивного, поведенческого) тип реакции направлен на достижение актуальной цели, удовлетворения актуальной потребности в контексте текущих условий. Ошибочная трактовка приводит к идее того, что практики осознанности ведут к снижению потребностей и равнодушию, за счет этого достигается благополучие. Это ведет к последующей дезадаптации. В духовных практиках, которые легли в основу психологического понимания осознанности, такое состояние называется «белой стеной» – опустошением сознания, отражающим отсутствие контакта с собственными потребностями, отсутствие как отрицательных, так и положительных переживаний. С их точки зрения, для профилактики подобного эффекта при формировании осознанности необходим опыт переживания положительных эмоций (опыта удовлетворения потребностей, достижения целей, приводящего к положительной эмоциональной оценке).

Ранние этапы развития эмоциональной регуляции – роль отношений привязанности

Согласно существующим представлениям, непосредственные эмоциональные ответы ребенка на стимулы уже в самом раннем возрасте начинают опосредоваться социальными влияниями. На наиболее раннем, довербальном этапе развития ведущую роль среди факторов развития системы регуляции эмоций ребенка занимают отношения привязанности к родителям. Показано, что надежная привязанность ассоциирована с успешной регуляцией эмоций у ребенка, тогда как ненадежные типы привязанности – с ее дефицитностью [Leerkes, Wong, 2012].

При надежном типе привязанности родитель помогает ребенку регулировать его эмоции. Улавливая потребность ребенка, родитель стабильно, последовательно утешает при необходимости расстроенного ребенка (улыбаясь ему, беря на руки, поглаживая, укачивая и т. д.), отвлекает его, если это оптимальный способ улучшить эмоции ребенка, делает действия, способствующие удовлетворению потребности ребенка. Вводится рабочий термин совместной регуляции эмоций (формируясь в детско-родительских отношениях, она затем проявляется на протяжении всей жизни в близких межличностных взаимодействиях), – «это двунаправленная связь колеблющихся эмоциональных каналов между партнерами, что способствует эмоциональной стабильности для обоих партнеров» [Butler, Randall, 2012]. Важно, что в совместной регуляции вклад часто неравный, один из партнеров (в случае детско-родительских отношений – родитель) выступает ведущим.

Помимо совместной со взрослым регуляции эмоций, дети младенческого возраста имеют ряд простых способов саморегуляции (аугустимуляция, переключение внимания, изменение положение тела, разрядка, например, в плаче, и т. д.), однако предполагается, что именно совместная регуляция эмоций создает базис для дальнейшего развития саморегуляции [Leerkes, Wong, 2012].

Чуткость (сенситивность) к потребностям ребенка, лучшее понимание его эмоций выступает как важный, однако не единственный фактор формирования надежной привязанности [Waters et al., 2009; De Wolff, van IJzendoorn, 1997]. Похоже, что успешная регуляция и социализация эмоций самих родителей играет существенную роль, опосредуя связь чуткости родителя к потребностям ребенка и формирование у него надежной привязанности [Ahmetoğlu et al., 2017]. Родитель, который чувствует потребность ребенка, но не знает, как ему помочь реализовать эту потребность, не понимает, как повлиять на эмоции ребенка, скорее растерян и беспомощен, что и транслируется ребенку, также вводя его в дезорганизацию.

В случае избегающего поведения родитель находится в недостаточном контакте с ребенком, не помогая его саморегуляции. Хаотичное, непоследовательное поведение родителя, непонимание им происходящего с ребенком, причин реакций, потребностей ребенка или нежелание к ним прислушиваться (низкая сенситивность к ребенку) ведут к подавлению родителем реакций ребенка или неконгруэнтному поведению родителя. (Неконгруэнтное поведение – например, кормить ребенка в ответ на плач, возникший из желания его дотянуться до игрушки; или пытаться переключать внимание ребенка, не замечая, что нужно его переодеть и помыть). Во всех этих случаях конкретные навыки регуляции эмоций (выбор

адекватного выражения эмоций, умение переключать внимание, когда это уместно и т. д.) у ребенка закладываются существенно хуже. В дополнение к этому, ребенок формирует представление о мире как о более непредсказуемом, опасном, неприятном, чем в случае надежной привязанности к родителю, что сказывается в дальнейшем на общей оценке им всех проблемных ситуаций. Также представление о других людях как о нестабильных в своем поведении и не готовых помочь в достижении собственного положительного состояния приводит у растущего ребенка к снижению возможности получать социальную помощь и поддержку в сложных ситуациях.

Предлагается модель, согласно которой дети формируют специфические паттерны регуляции эмоций в зависимости от поведения родителя. Дети избегающих родителей минимизируют проявления эмоций, чтобы избежать дальнейшего отвержения, а дети непоследовательно ведущих себя родителей, напротив, усиливают негативные эмоциональные выражения с целью привлечь внимание [Cassidy, 1994].

Не только поведение родителя влияет на формирование типа привязанности, но и врожденные предрасположенности самого ребенка. Более чувствительные дети, тоньше воспринимающие информацию, чаще формируют ненадежный тип привязанности даже в условиях воспитания сенситивными матерями. Дети с «трудным темпераментом», регулярно разочаровывая своих родителей в самооценке их способностей регулировать состояние и поведение ребенка, побуждают изначально заботливого родителя снижать усилия по регуляции состояния ребенка при взаимодействии с ним (по: [Ньюкомб, 2002]). Уровень сенсорной чувствительности родителя, по-видимому, задавая его восприимчивость к происходящему в контакте с ребенком, также вносит вклад в формирование типа привязанности [Branjerdporn et al., 2019].

Вербализация и когнитивная социализация регуляции эмоций

Вербальный компонент эмоциональной регуляции приобретает важное значение с момента формирования речи у ребенка [Cole et al., 2010]. Успешная вербализация эмоций рассматривается как необходимая составляющая эмоционального интеллекта [Гоулман, 2013]. Вербальное выражение самих эмоций и объяснение их причин, того, что нужно сделать, чтобы эмоции изменились в положительную сторону, становится ведущим способом экспрессии эмоций. Выражаемая вербально эмоция подтверждается невербальными сигналами, что служит маркером ее достоверности в коммуникации, поскольку, осваивая способы эмоциональной экспрессии, ребенок формирует и умения обмана, манипуляции окружающими для достижения своих целей (получения желаемого с предъявлением несоответствующей действительности информации либо без учета баланса потребностей и возможностей участников взаимодействия) [Экман, 2010].

Формируясь во взаимодействиях с другими людьми, вербализация эмоций интериоризируется и становится способом саморегуляции.

Недостаточное овладение навыком вербализации эмоций становится причиной алекситимии – дефицитарности в речевом выражении, эмоциональном состоянии, их осознании, сознательном отличении от физиологических изменений в теле, об-

щей недостаточности символической обработки информации. Выделяют первичную алекситимию, связанную с нарушениями функционирования соответствующих мозговых структур (например, при расстройствах аутистического спектра), и вторичную, обусловленную, главным образом, воспитанием, при котором в семье ребенка не учат воспринимать и озвучивать свои эмоции, а напротив, путают, приписывая неверные эмоциональные состояния и их причины [Потапова и др., 2016; Провоторов и др., 2000]. Отличное описание такого воспитания отражает известный анекдот: «– Сынок! Иди уже домой! – Мам, я устал или замерз? – Ты хочешь кушать!».

Также возможно защитное усиление алекситимических черт во время стресса с возвращением контакта с эмоциями по выходу из стрессовой ситуации. Показана возможность экспериментального формирования алекситимии в условиях стресса [Китаев-Смык, 2009].

Данный этап развития ребенка характеризуется формированием структуры, получившей название модели психического (*theory of mind*) представления о том, что живые существа обладают психикой, их поведение подчиняется законам функционирования психики, отличным от физических законов, т. е. направляется желаниями, мотивами, целями, основывается на знаниях и представлениях данного конкретного человека или животного, находится под влиянием индивидуальных характеристик и поведенческих паттернов и т. д. Модель психического является, по современным представлениям, многоуровневым образованием, формирующимся в течение достаточно длительного периода развития. Как целостное образование она созревает к четырем годам жизни ребенка; в это время нормативно развивающиеся дети отделяют себя от других, понимают, что у других людей иные цели, мотивы, знания и т. д. Четырехлетние дети могут вербально прогнозировать поведение других людей, основываясь на представлениях о содержании их психики. Они способны к субъектному взаимодействию, учитывая не только свои интересы, но и отличающиеся интересы партнера по коммуникации. К шести годам уровень субъектности взаимодействия существенно возрастет, что связывают с развитием модели психического³.

Интернализация вербальной регуляции собственных эмоций, как полагают, происходит после шестилетнего возраста [Holodynski, Friedlmeier, 2006].

Как можно полагать, алекситимия в значительной степени связана с дефицитностью модели психического, врожденной или являющейся результатом неблагоприятной для ее формирования среды. Исключения представляют алекситимические проявления в стрессовых ситуациях, когда дисконтакт с эмоциями проявляется как стратегия избегания в момент недостаточности общих ресурсов для решения ситуации.

Регуляция эмоций у подростков

Развитие системы эмоциональной регуляции в подростковом возрасте, с одной стороны, связано с расширением жизненной перспективы, что предполагает по-

³ Сергиенко Е. А. Модель психического и социальное познание// Психологические исследования, 2015. Т.42, № 8. URL: psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1163-sergienko42.html (дата обращения 12.09.2020).

становку отдаленных целей, и с новым этапом формирования образа Я. В это время может появляться и усиливаться тенденция к работе над собой, направленному формированию каких-либо качеств в зависимости от особенности сформированного образа себя. Социализация как ведущая деятельность в подростковом возрасте делает особенно актуальными групповые нормы в поведении, в том числе задавая новый виток социализации эмоций в соответствии с выбранной группой, уже более широкой, чем родительская семья. С другой стороны, немалое испытание для подростка представляет собой существенная перестройка функционирования тела и психики, связанная с физиологическими изменениями, на некоторое время частично «выводящими из строя» уже сформировавшиеся регуляторные системы, и с изменениями телесного и ментального образа Я в новом возрастном периоде.

Обращает на себя внимание то, что при обилии работ, посвященных конкретным вопросам развития систем эмоциональной регуляции у детей младшего возраста, для подростков изучаются скорее частные аспекты регуляции эмоций (очень часто – в контексте практических рекомендаций по социализации подростков с девиантным поведением) или предлагаются сильно теоретизированные ее модели [Hollenstein, Lanteigne, 2018]. Между тем это время, связанное с выходом в «широкий» социум и освоением романтических отношений, кажется одним из важнейших периодов социализации эмоций. Представляется важным обозначить необходимость дальнейших интегральных исследований созревания регуляторных систем в условиях подросткового возраста.

Лонгитюдные и ретроспективные исследования показывают тесную связь особенностей эмоциональной регуляции подростков и ее общей эффективности с условиями воспитания подростка в более раннем возрасте (например, [Hilt et al., 2011]). Похоже, что время сепарации от родителей и овладения новыми функциями изменившегося тела предъявляет значительные требования, в том числе к устойчивости ранее сформированных механизмов, которые оказываются фундаментом для решения проблем подростничества.

Зрелая система регуляции эмоций

На основе анализа литературы можно сделать вывод о том, что зрелость системы регуляции эмоций взрослого человека определяется ее адаптивностью, сохранением баланса между индивидуальными потребностями и социальными требованиями (потребностями других людей), адекватной гибкостью, произвольностью. И взрослый человек нуждается в рано формирующихся в онтогенезе способах индивидуальной регуляции и совместной регуляции (например, утешение в телесном контакте с партнером), однако по мере взросления все большее значение принимают когнитивные стратегии, стратегии, связанные с произвольным контролем, а также уменьшение (но не исчезновение) зависимости от других людей в регуляции эмоций и возможность принимать на себя ведущую роль в совместной регуляции.

Идеальный критерий эффективности регуляции эмоций (итоговый баланс собственных потребностей и потребностей окружающих) на практике постоянно проходит проверку на прочность. Современные социокультурные установки многих цивилизованных стран, в том числе России, призывают к сохранению душевного

спокойствия и равновесия, преподносят, на уровне обыденного сознания, умение саморегулироваться как умение сохранять низкий уровень возбуждения. Страстное поведение осуждается и иногда даже приравнивается к психопатологии (например, мем «любовь – это болезнь»). Такая позиция направлена на сохранение высокого уровня контроля в общественных отношениях. Например, врачу легче лечить зуб у пациента под общей анестезией. Если врач нечаянно повредит нерв, пациент вовремя неотрегулирует ситуацию, закричав и прервав опасные действия, т. е. для него это невыгодно. Однако свобода действий врача гораздо больше, чем в случае, если контроль со стороны пациента будет его ограничивать. Исходя из этого, отсутствие переживания боли начинает преподноситься как некая цель, к которой нужно стремиться, с отрицанием того, что болевые ощущения – это хороший регулятор.

С другой стороны, опыт реальной жизни показывает, что социально неодобряемые формы выражения эмоций могут быть более полезны для самой личности, снижая представления о себе как о социально адекватном, однако давая выигрывать в достижении собственных целей. Некая опасность текущих социальных установок заключается в том, что врожденные регуляторные механизмы направлены на стремление к положительным эмоциям, уменьшение болевых ощущений и т. д., и предлагаемые технические средства в ряде случаев подменяют естественную регуляцию. Дав согласие на это, человек теряет возможность саморегуляции и проигрывает в тех случаях, когда внешняя регуляция не обеспечила его благополучия. Поэтому сохранение, в адекватном выражении, опоры на собственную регуляцию и критическое отношение к внешним, легким, предполагающим отсутствие собственных усилий способам достижения положительного эмоционального состояния в текущих социокультурных условиях может рассматриваться как один из важнейших критериев зрелости систем саморегуляции.

Отдельный класс исследований посвящен эмоциональной регуляции в пожилом возрасте. Так, например, Н. L. Urqu и J. Gross [2010], отмечая регресс аффективных и когнитивных процессов в пожилом возрасте, отмечают и усиление эмоциональной регуляции, свидетельствующие о компенсаторных возможностях психики.

Нарушения онтогенеза регуляции эмоций на примере людей с расстройствами аутистического спектра (РАС)

Расстройства аутистического спектра представляют собой дисонтогенетические нарушения, в основе которых лежат врожденные нарушения саморегуляторных и коммуникативных систем. Характеризуются ранним началом, тяжелым протеканием и высокой инвалидизацией.

Помимо очевидного практического значения, изучение развития регуляции эмоций при РАС, исследование влияния на ход этого развития условий среды и направленных коррекционных воздействий представляют огромный интерес для понимания законов нормативного формирования саморегуляторных систем в контексте социальных взаимодействий.

По всей видимости, совместная регуляция эмоций родителя и ребенка, как и в случае нормотипичного развития, ложится в основу формирования системы

регуляции эмоций у детей с РАС [Chan, Weiss, 2017]. Однако возможность полноценной коммуникации в данном случае оказывается снижена. Для детей с РАС отмечается уменьшение совместного внимания (внимания к одному и тому же предмету, позволяющего родителям привлекать внимание ребенка, формировать отношение к разным явлениям, вовлекать в совместную деятельность). Также для них характерно снижение имитационного поведения в целом. Вовлекать их в совместные взаимодействия труднее [Guo et al., 2017].

Диадические взаимодействия матери и ребенка с РАС, по данным исследований, менее согласованы по характеру и уровню эмоциональной вовлеченности, чем в случае матерей и нейротипичных детей (к примеру, ребенок переживает отрицательные эмоции, а мать – положительные). Кроме того, дети с РАС тратят больше времени на вовлечение во взаимодействия с объектами в детско-родительских отношениях, чем нейротипичные дети.

Одна из гипотез, описывающих нарушенное развитие системы регуляции эмоций у детей с РАС, предполагает, что у них на физиологическом уровне затягивается ее созревание. Исследовалась динамика выработки кортизола в стрессовой для ребенка ситуации у нормотипичных детей и детей с РАС в присутствии матери. Было показано, что мать продолжает оказывать «буферирующий эффект» (снижать выработку кортизола) у детей с РАС в возрасте, в котором у нормотипичных детей происходит собственная регуляция [Ostfeld-Etzion et al., 2015a].

В той же серии исследований было показано, что регуляторные стратегии детей с РАС в раннем возрасте проще, чем у нейротипичных детей, а матери и отцы детей до и после стрессового воздействия демонстрируют им больше положительных эмоций и в большей степени осуществляют поддержку с помощью контакта глазами. Изменения в поведении родителей интерпретировались как компенсаторный механизм, стремление помочь ребенку при затруднениях саморегуляции [Ostfeld-Etzion et al., 2015b].

Незрелость регуляторных систем прослеживается во все возрастные периоды развития детей с РАС и у взрослых. Описано использование дошкольниками с РАС таких примитивных способов регуляции эмоций как их «выплескивание» эмоций и стратегий избегания [Jahromi et al., 2012, 2013]. Очень типичными являются стратегии снижения напряжения с использованием стереотипного поведения и аутостимуляции [Ostfeld-Etzion et al., 2015a]. В том же возрасте нейротипичные дети могут применять переключение внимания, переоценку, переосмысление. В подростковом возрасте низкофункциональные дети с РАС продолжают использование очень простых стратегий, в то время как высокофункциональные аутисты применяют, как и нейротипичные подростки, более зрелые регуляторные способы. В то же время у подростков с РАС сохраняется большой процент неблагоприятных стратегий (руминации, «вторгающиеся» мысли, физиологическое и эмоциональное возбуждение, «опустошение» разума) [Mazefsky et al., 2014]. Интересно, что в отличие от нейротипичной популяции для подростков и молодых людей с РАС высокое подавление в сочетании с высокой когнитивной переоценкой было ассоциировано с относительным психологическим благополучием. Это может свидетельствовать о том, что, хотя поражение нервной системы и психики сказывается на увеличении неадаптивных механизмов регуляции, сформированность

вербальных способов саморегуляции может выступать хорошим прогностическим признаком.

Можно предполагать, что сложности овладения речью при РАС и, соответственно, протекающие из них трудности с интериоризацией вербальных форм могут существенно сказываться на развитии осознания эмоций и осознанного управления ими в структуре эмоциональной регуляции при РАС.

То же касается и трудностей с формированием моделей психического, характерных для РАС. Здесь наблюдается интересная картина. Высокофункциональные аутисты сообщают о тщательном когнитивном анализе поведения других людей, заменяющем им модель психического, – имея сниженную способность понять эмоции, мотивы, убеждения другого человека, основываясь на эмоциональных сигналах, на понимании вообще его отличия от себя, они создают сложные цепочки умозаключений, позволяющие им отреагировать адекватно. Сообщается, что модель психического включает два типа обработки информации: быстрое и легкое «схватывание» сигналов и длительные, энергозатратные процессы их логической обработки (по: [Сергиенко и др., 2009]). По всей видимости, при сохранности общих когнитивных способностей при РАС возможна трудоемкая «достройка» на фоне дефицита врожденных возможностей обработки эмоциональной информации.

Показано, что трудности с регуляцией эмоций детей и подростков прямо связаны с тяжестью симптомов РАС, а особенно тесна связь со стереотипным поведением, которое может отражать несовершенство мозговых механизмов переключения [Samson et al., 2014]. На выборке детей с РАС 3–12 лет показана положительная связь показателей регуляции эмоций и возрастом вербального развития (что еще раз подчеркивает важность освоения речи для созревания регуляторной системы), показателем социальной адаптации, личностными факторами открытости к новому опыту, добросовестности и экстраверсии [Nader-Grosbois, Mazzone, 2014].

Существующие методы абилитации детей с РАС в значительной мере включают поведенческое научение. Это неизбежный компонент, позволяющий сформировать адаптивное поведение и устранить нежелательные стратегии. Есть основания полагать, что на фоне дефицита средств эмоциональной обработки информации и ее осознанной регуляции широко используемым механизмом выступает подавление эмоций и их экспрессии. Это может вести к ряду вторичных нарушений. Так, показано, что в случае надежной привязанности к родителю, сенситивности и проницательности (попытки понимать мотивы поведения, индивидуальные особенности реагирования, чувства и мысли ребенка) родителя по отношению к ребенку с РАС, дети, при сохранении всех симптомов РАС, отчетливо лучше социализируются [Dolev et al., 2014; Oppenheim, 2009]. Готовность родителя прислушиваться к ребенку и контактировать с ним на уровне понимания и объяснения чувств и мыслей в определенной степени, как и возможность «широкой» социализации, зависит от тяжести симптомов РАС и ответных реакций ребенка. Однако, похоже, что она не полностью определяется ими, представляя собой частично независимое от состояния ребенка средовое влияние. На основе этого можно заключить, что, как и в случае нормотипичных детей, благоприятная среда спо-

способствует увеличению коммуникативных способностей детей с РАС, включающих и возможности управления эмоциями.

Мы предполагаем, что перспективным направлением изучения может быть сравнение возможностей и последствий контроля и подавления поведения у детей с РАС.

Выводы

1. Регуляция эмоций является составной частью исполнительных психических функций, находясь в тесном взаимодействии с когнитивной и произвольной / волевой регуляцией. Дисрегуляция эмоций рассматривается как ключевой механизм в формировании широкого спектра психопатологических симптомов.

2. Для формирования системы механизмов регуляции эмоций важное значение имеют как врожденные особенности нейрофизиологического субстрата, так и влияния социальной среды. Наиболее важные врожденные характеристики – это уровень сенсорной чувствительности и способность к контролю как к отсрочке или отмене доминантного ответа. Среди влияний среды важную роль (последовательно) играют качество привязанности к родителям, освоение вербализации эмоций и ее интериоризация и формирование модели психического.

3. Нарушение физиологического субстрата регуляции эмоций ведет к ее существенной дефицитарности, однако благоприятные среды могут оказывать частичное компенсирующее воздействие. Сохранность общих когнитивных функций также улучшает показатели регуляции эмоций при первичных нарушениях эмоциональной и коммуникативной сфер.

4. Проблема соотношения подавления импульса и его осознанного контроля в структуре регуляции эмоций нуждается в дальнейшей разработке для совершенствования методов абилитации широкого спектра нарушений психического функционирования, включая расстройства аутистического спектра.

Список литературы

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009.

Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. СПб.: Питер, 2002.

Польская Н. А., Разваляева А. Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 4. С. 71–93. DOI 10.17759/cpp.2017250406

Потапова Н. А., Грехов Р. А., Сулейманова Г. П., Адамович Е. И. Проблемы изучения феномена алекситимии в психологии // Природные системы и ресурсы. 2016. Т. 16, № 2. С. 65–72. DOI 0.5688/jvolsul.206.2.8

Провоторов В. М., Чернов Ю. Н., Лышова О. В., Будневский А. В. Алекситимия // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2000. Т. 100, № 6. С. 66–70.

Сергиенко Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 4. С. 130–146. DOI /10.31429/26190567-19-4-130-146

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009.

Сергиенко Е. А. Эмоциональный интеллект – разработка понятия // Разработка понятий в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2019.

Тукаев Р. Д. Триггерные механизмы биологического и психического стресса в соотношении с диатез-стрессовыми моделями психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. № 2. С. 69–76.

Черенева Е. А. Проблема воли и произвольности в психологии // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2011. № 5. С. 39–43.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010.

Ahmetoğlu E., Ildiz I, Acar G., Encinger I. A. Children's emotion regulation and attachment to parents: Parental emotion socialization as moderator. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2017, vol. 46, no. 6. DOI 10.2224/sbp.6795.

Aron E., Aron A. Sensory-Processing Sensitivity and Its Relation to Introversion and Emotionality // *Journal of personality and social psychology*, 1997. № 73. P. 345–368. DOI 10.1037/0022-3514.73.2.345.

Baer R., Smith G. T. Construct Validity of the Five Facet Mindfulness Questionnaire in Meditating and Nonmeditating Samples. *Assessment*. 2008. Vol. 15, № 3. P. 29–42. DOI 10.1177/1073191107313003

Branjerdporn G., Meredith P., Strong J., Green M. Sensory sensitivity and its relationship with adult attachment and parenting styles // *PLOS ONE*, 2019. Т. 14, № 1. e0209555.

Bonanno G. A., Burton C. L. Regulatory flexibility: an individual differences perspective on coping and emotion regulation // *Psychol. Sci.* 2014. № 8. P. 591–612. DOI 10.1177/1745691613504116

Boterber S., Warreyn P. Making sense of it all: The impact of sensory processing sensitivity on daily functioning of children // *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 92. P. 80–86. DOI 10.1016/j.paid.2015.12.022

Butler E. A., Randall A. K. Emotional Coregulation in Close Relationships // *Emotion Review*. 2012. Vol. 5, № 2. P. 202–210. DOI 10.1177/1754073912451630

Campos J. J., Frankel C. B., Camras L. On the nature of emotion regulation // *Child Development*, 2004. Vol. 75. P. 377–394.

Cassidy J. Emotion regulation: influences of attachment relationships // *Monogr. Soc. Res. Child. Dev.* 1994. Vol. 59, № 2–3. P. 228–249.

Chan V., Weiss J. Emotion Regulation and Parent Co-Regulation in Children with Autism Spectrum Disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2017. Vol. 47. P. 680–689. DOI 10.1007/s10803-016-3009-9

Cole P., Armstrong L. M., Pemberton C. K. The role of language in the development of emotion regulation. In: S. D. Calkins & M. A. Bell (Eds.). *Human brain development*.

Child development at the intersection of emotion and cognition. American Psychological Association. 2010. P. 59–77.

Dolev S., Oppenheim D., Koren-Karie N., Yirmiy N. Early attachment and a maternal insightfulness predict educational placement of children with autism // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2014. № 8. P. 958–967.

Eisenberg N., Cumberland A., Spinrad T. L., Fabes R. A., Shepard S. A., Reiser M. et al. The relations of regulation and emotionality to children's externalizing and internalizing problem behavior // *Child Development*. 2011. Vol. 72. P. 1112–1134.

Eisenberg N., Spinrad T. L. Emotion-related regulation: Sharpening the definition // *Child Development*. 2004. Vol. 75. P. 334–339.

Eisenberg N., Smith C. L., Sadovsky A., Spinrad T. L. Effortful Control: Relations with Emotion Regulation, Adjustment, and Socialization in Childhood. In: Baumeister, R. F. and Vohs, K. D. (Eds.) *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications*, Guilford Press, New York, 2004. P. 259–282.

Eisenberg N., Zhou Q., Spinrad T. L., Valiente C., Fabes R. A., Liew J. Relations among positive parenting, children's effortful control, and externalizing problems: a three-wave longitudinal study // *Child Dev.* 2005 Vol. 76, № 5. P. 1055–1071. DOI 10.1111/j.1467-8624.2005.00897.x.

Greven C. U., Lionetti F., Booth Ch., Aron E. N., Fox E., Schendan H. E., Pluess M., Bruining H., Acevedo B., Bijtbeier P., Homberg J. Sensory Processing Sensitivity in the context of Environmental Sensitivity: A critical review and development of research agenda // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2019. Vol. 98. P. 287–305. DOI 10.1016/j.neubiorev.2019.01.009.

Grimen H., Diseth H. Sensory Processing Sensitivity: Factors of the Highly Sensitive Person Scale and Their relationships to Personality and Subjective Health Complaints // *Comprehensive Psychology*. 2016. Vol. 5. P. 1–10. DOI 10.1177/2165222816660077.

Gross J. J., Tompson R. A. Emotion regulation: Conceptual foundations. In: J. J. Gross (Ed.). *Handbook of emotion regulation*. New York: Guilford Press, 2007. P. 3–24.

Guo Y., Garfin D., Goldberg W. Emotion co-regulation in mother-child dyads: a dynamic systems analysis of children with and without autism spectrum disorder // *J. Abnorm. Child. Psychol.* 2017. Vol. 45. P. 1369–1383. DOI 1369–1310.1007/s10802-016-0234-9

Jahromi L. B., Bryce C. I., Swanson J. The importance of self-regulation for the school and peer engagement of children with high-functioning autism // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2013. Vol. 7. P. 235–246. DOI 10.1016/j.rasd.2012.08.012

Jahromi L. B., Meek S. E., Ober-Reynolds S. Emotion regulation in the context of frustration in children with high functioning autism and their typical peers // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2012. Vol. 53. P. 1250–1258. DOI 10.1111/j.1469-7610.2012.02560.

Hilt L., Hanson J., Pollak S. Emotion Dysregulation. In: B. B. Brown and M. J. Prinstein (Eds.). *Encyclopedia of Adolescence*. Academic Press, 2011. P. 160–169. DOI 10.1016/B978-0-12-373951-3.00112-5.

Hollenstein T., Lanteigne D. M. Emotion Regulation Dynamics in Adolescence. In: Cole, P. M. C. & Hollenstein, T. (Eds.). *Emotion Regulation: A Matter of Time*. New York: Routledge. 2018.

Holodynski M., Friedlmeier W. *Development of Emotions and Their Regulation*. Springer Science & Business Media, 2006.

Kagan J., Reznick J. S., Snidman N. Biological bases of childhood shyness // *Science*. 2008. Vol. 240, I. 4849. P. 167–171. DOI 10.1126/science.3353713

Kochanska G., Murray K., Harlan E. T. Effortful control in early childhood: continuity and change, antecedents, and implications for social development // *Developmental psychology*, 2020. Vol. 36, № 2. P. 220–232. DOI 10.1037/0012-1649.36.2.220

Leerkes E. M., Wong M. S. Infant Distress and Regulatory Behaviors Vary as a Function of Attachment Security Regardless of Emotion Context and Maternal Involvement // *Infancy*. 2012. Vol. 17, № 5. P. 455–478. DOI 10.1111/j.1532-7078.2011.00099

Lengua L. J. Growth in Temperament and Parenting as Predictors of Adjustment During Children's Transition to Adolescence // *Dev Psychol*. 2006. Vol. 42, № 5. P. 819–832. DOI 10.1037/0012-1649.42.5.819

Mazefsky C. A., Borue X., Day T. N., Minshew N. J. Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms // *Autism Research*. 2014. № 7. P. 344–354.

Nader-Grosbois N., Mazzone S. Emotion Regulation // *Personality and Social Adjustment in Children with Autism Spectrum Disorders Psychology*. 2014. Vol. 5, № 15. DOI 10.4236/psych.2014.515182

Neacsiu A. D., Bohus M., Linehan M. M. Dialectical Behavior Therapy: An Intervention for Emotion Dysregulation. In: J. J. Gross. (Ed.) *Handbook of Emotion Regulation*. NY: Guilford Press, 2014. P. 491–507.

Naragon-Gainey K., McMahon T. P., Chacko T. P. The structure of common emotion regulation strategies: a meta-analytic examination // *Psychol. Bull.* 2017. Vol. 143, № 4. P. 384–427. DOI 10.1037/bul0000093

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated // *Child Development*. 2009. Vol. 80, № 2. P. 519–527. DOI 10.1111/j.1467-8624.2009.01276.x

Ostfeld-Etzion S., Hirschler-Guttenberg Y., Laor N., Golan O. Self-regulated compliance in preschoolers with autism spectrum disorder: The role of temperament and parental disciplinary style // *Autism*. 2015a. Vol. 20. P. 868–878. DOI 10.1177/1362361315615467

Ostfeld-Etzion S., Golan O., Hirschler-Guttenberg Y., Zagoory-Sharon O., Feldman R. Neuroendocrine and behavioral response to social rupture and repair in preschoolers with autism spectrum disorders interacting with mother and father // *Mol Autism*. 2015b. Vol. 6. P. 11–24. DOI 10.1186/s13229-015-0007-2

Rothbart M. K., Sheese B. E., Rueda M. R., Posner M. I. Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life // *Emotion Review*. 2011. Vol. 3, № 2. P. 207–213. DOI 10.1017/S0954579400003096

Roth G., Vansteenkiste M., Ryan R. Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective // *Development and Psychopathology*. 2019. V.31. P. 1-12. DOI: 10.1017/S0954579419000403.

Samson A. C., Phillips J. M., Parker K. J., Shah S., Gross J. J., Hardan A. Y. Emotion Dysregulation and the Core Features of Autism Spectrum Disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2014. Vol. 44. P. 1766–1772. DOI 10.1007/s10803-013-2022-5

Selby E. A., Joiner Jr. T. E. Cascades of emotion: The emergence of borderline personality disorder from emotional and behavioral dysregulation // *Review of General Psychology*. 2009. Vol. 13, № 3. P. 219–229. DOI 10.1037/a0015687

Sloan E., Hall K., Moulding R., Bryce S., Mildred H., Staiger P. K. Emotion regulation as a transdiagnostic treatment construct across anxiety, depression, substance, eating and borderline personality disorders: a systematic review // *Clin. Psychol. Rev.* 2017. Vol. 57. P. 141–163. DOI 10.1016/j.cpr.2017.09.002

Smolewska K., McCabe S., Woody E. A psychometric evaluation of the Highly Sensitive Person Scale: The components of sensory-processing sensitivity and their relation to the BIS/BAS and “Big Five” // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40, № 6. P. 1269–1279. DOI 10.1016/j.paid.2005.09.022

Urry H. L., Gross J. Emotion Regulation in Older Age // *Current Directions in Psychological Science*, 2010. Vol. 19. P. 352–357. DOI 10.1177/0963721410388395

Waters S. F., Virmani E. A., Thompson R. A., Meyer S., Raikes H. A., Jochem R. Emotion Regulation and Attachment: Unpacking Two Constructs and Their Association // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2009. Vol. 32. P. 37–47. DOI 10.1007/s10862-009-9163-z

Wolff de M., van IJzendoorn M. Sensitivity and Attachment: A Meta-Analysis on Parental Antecedents of Infant Attachment // *Child development*. 1997. Vol. 68. P. 571–591. DOI 10.1111/j.1467-8624.1997.tb04218.x.

Zentner M., Bates J. E. Child Temperament: An Integrative Review of Concepts, Research Programs, and Measures // *International journal of developmental science*. 2008. Vol. 2. P. 7–37. DOI 10.3233/DEV-2008-21203

References

Goleman, D. (2013) *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. [Emocional'nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. (in Russ.)

Kitaev-Smyk, L. A. (2009) Stress psychology. Psychological anthropology of stress [Psihologija stressa. Psihologicheskaja antropologija stressa]. Moscow, Akademicheskij Proekt. (in Russ.)

Newcomb, N. (2002) Child Development Change over Time [Razvitie lichnosti rebenka]. St. Petersburg, Piter. (in Russ.)

Polskaya, N. A., Razvalyaeva, A. Yu. (2017) Developing an emotional dysregulation questionnaire [Razrabotka oprosnika jemocional'noj disreguljacii]. *Counseling psychology and psychotherapy* [Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija], 25 (4), 71–93. DOI 10.17759/cpp.2017250406 (in Russ.)

Potapova, N. A., Grehov, R. A., Sulejmanova, G. P., & Adamovich, E. I. Problems of studying the phenomenon of alexithymia in psychology [Problema izuchenija fenomena aleksitimii v psihologii]. *Natural systems and resources [Natural'nyj sistemy i resursy]*, 16 (2), 65–72. DOI 0.5688/jvolsul.206.2.8 (in Russ.)

Provotorov V. M., Chernov Yu. N., Lyshova O. V., & Budnevsky A. V. (2000) Alexithymia [Alexithymia]. *Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov [Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova.]*, 100 (6), 66–70. (in Russ.)

Sergienko E. A. (2018) Behavior control as a basis for self-regulation [Kontrol' povedenija kak osnova samoreguljaccii]. *Russian Journal of Social Sciences [Rossijskij zhurnal social'nyh nauk]*, 19 (4), 130–146. DOI 10.31429/26190567-19-4-130-146 (in Russ.)

Sergienko E. A., Lebedeva E. I., & Prusakova O. A. (2009) The model of mind as the basis of becoming an understanding of ontogenesis [Model' psihicheskogo kak osnova stanovlenija ponimaniya sebja i drugogo v ontogeneze]. Moscow, Izd-vo Instituta psihologii RAN. (in Russ.)

Sergienko E. A. (2019) Emotional intelligence – the development of the concept [Jemocional'nyj intellekt – razrabotka ponjatija]. In: Development of concepts in modern psychology [Razrabotka ponjatij v sovremennoj psihologii (pod red. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko, G. A. Vilenskoj)]. Moscow, Izd-vo Instituta psihologii RAN (in Russ.)

Tukaev R. D. (2012) Trigger mechanisms of biological and mental stress in relation to diathesis-stress models of psychiatry [Triggernye mehanizmy biologicheskogo i psihicheskogo stressa v sootnesenii s diatez-stressovymi modeljami psikiatrii]. *Social and clinical psychiatry [Social'naja i klinicheskaja psikiatrija]*, 2, 69–76. (in Russ.)

Chereneva E. A. (2011) The problem of voluntry and controllability in psychology. *Bulletin of BSU. Education. Personality. Society [Vestnik BGU. Obrazovanie. Lichnost'. Obshhestvo]*, 5, 39–43. (in Russ.)

Ekman P. (2010) Psychology of lies. Deceive me if you can [Psihologija lzhi. Obmani menja, esli smozhesh']. St. Petersburg, Piter. (in Russ.)

Ahmetoğlu, E., Ildiz, I., Acar, G., & Encinger, I. A. (2017) Children's emotion regulation and attachment to parents: Parental emotion socialization as moderator. *Social Behavior and Personality: an international journal*. 46 (6). DOI 10.2224/sbp.6795.

Aron, E., & Aron, A. (1997) Sensory-Processing Sensitivity and Its Relation to Introversion and Emotionality. *Journal of personality and social psychology*. 1997, 73, 345–368. DOI 10.1037/0022-3514.73.2.345.

Baer, R., & Smith, G.T. (2008) Construct Validity of the Five Facet Mindfulness Questionnaire in Meditating and Nonmeditating Samples. *Assessment*, 15 (3), 329–342. DOI 10.1177/1073191107313003

Branjerdporn, G., Meredith, P., Strong, J., & Green, M. (2019) Sensory sensitivity and its relationship with adult attachment and parenting styles *PLOS ONE*, 14 (1), e0209555.

Bonanno, G. A., & Burton, C. L. (2014) Regulatory flexibility: an individual differences perspective on coping and emotion regulation. *Psychol. Sci.*, 8, 591–612. DOI 10.1177/1745691613504116

- Boterber, S., & Warreyn, P. (2016) Making sense of it all: The impact of sensory processing sensitivity on daily functioning of children *Personality and Individual Differences*, 92, 80–86. DOI 10.1016/j.paid.2015.12.022
- Butler, E. A., & Randall, A. K. (2012) Emotional Coregulation in Close Relationships. *Emotion Review*, 5 (2), 202–210. DOI 10.1177/1754073912451630
- Campos, J. J., Frankel, C. B., & Camras, L. (2004) On the nature of emotion regulation. *Child Development*, 75, 377–394.
- Cassidy, J. (1994) *Emotion regulation: influences of attachment relationships*. Monogr. Soc. Res. Child. Dev., 59, 2–3, 228–249.
- Chan, V., & Weiss, J. (2017) Emotion Regulation and Parent Co-Regulation in Children with Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 47, 680–689. DOI 10.1007/s10803-016-3009-9
- Cole, P., Armstrong, L. M., & Pemberton, C.K. (2010) The role of language in the development of emotion regulation. In: S. D. Calkins & M. A. Bell (Eds.). *Human brain development. Child development at the intersection of emotion and cognition*. American Psychological Association. 59–77.
- Dolev, S., Oppenheim, D., Koren-Karie, N., & Yirmiy, N. (2014) Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 8, 958–967.
- Eisenberg, N., Cumberland, A., Spinrad, T. L., Fabes, R. A., Shepard, S. A., Reiser, M. et al. (2011) The relations of regulation and emotionality to children's externalizing and internalizing problem behavior. *Child Development*, 72, 1112–1134.
- Eisenberg, N., & Spinrad, T. L. (2004) Emotion-related regulation: Sharpening the definition. *Child Development*, 75, 334–339.
- Eisenberg, N., Smith, C. L., Sadovsky, A., & Spinrad, T. L. (2004) Effortful Control: Relations with Emotion Regulation, Adjustment, and Socialization in Childhood. In: Baumeister, R. F. and Vohs, K. D. (Eds.) *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications*. Guilford Press, New York. 259–282.
- Eisenberg, N., Zhou, Q., Spinrad, T. L., Valiente, C., Fabes, R. A., & Liew, J. (2005) Relations among positive parenting, children's effortful control, and externalizing problems: a three-wave longitudinal study. *Child. Dev.*, 76 (5). P. 1055–1071. DOI 10.1111/j.1467-8624.2005.00897.x.
- Greven, C. U., Lionetti, F., Booth, Ch., Aron, E. N., Fox, E., Schendan, H. E., Pluess, M., Bruining, H., Acevedo, B., Bijtbeier, P., & Homberg, J. (2019) Sensory Processing Sensitivity in the context of Environmental Sensitivity: A critical review and development of research agenda. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 98, 287–305. DOI 10.1016/j.neubiorev.2019.01.009.
- Grimen, H., & Diseth, H. (2016) Sensory Processing Sensitivity: Factors of the Highly Sensitive Person Scale and Their relationships to Personality and Subjective Health Complaints *Comprehensive Psychology*, 5, 1–10. DOI 10.1177/2165222816660077.
- Gross, J. J., Tompson, R. A. (2007) Emotion regulation: Conceptual foundations. In: J. J. Gross (Ed.), *Handbook of emotion regulation*. New York: Guilford Press, 3–24.

- Guo, Y., Garfin, D., & Goldberg, W. (2017) Emotion co-regulation in mother-child dyads: a dynamic systems analysis of children with and without autism spectrum disorder. *J. Abnorm. Child. Psychol.*, 45, 1369–1383. DOI 10.1007/s10802-016-0234-9
- Jahromi, L. B., Bryce, C. I., & Swanson, J. (2013) The importance of self-regulation for the school and peer engagement of children with high-functioning autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 7, 235–246. DOI 10.1016/j.rasd.2012.08.012
- Jahromi, L. B., Meek, S. E., & Ober-Reynolds, S. (2012) Emotion regulation in the context of frustration in children with high functioning autism and their typical peers. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 53, 1250–1258. DOI 10.1111/j.1469-7610.2012.02560.
- Hilt, L., Hanson, J., & Pollak, S. (2011) Emotion Dysregulation. In: B. B. Brown and M. J. Prinstein (Eds.) *Encyclopedia of Adolescence*. Academic Press, 160–169. DOI 10.1016/B978-0-12-373951-3.00112-5.
- Hollenstein, T., & Lanteigne, D. M. (2018) Emotion Regulation Dynamics in Adolescence. In: Cole, P. M. C. & Hollenstein, T. (Eds.). *Emotion Regulation: A Matter of Time*. New York: Routledge.
- Holodynski, M., & Friedlmeier, W. (2006) *Development of Emotions and Their Regulation*. Springer Science & Business Media.
- Kagan, J., Reznick, J. S., & Snidman, N. (2008) Biological bases of childhood shyness. *Science*. 2008. 240 (4849), 167–171. DOI 10.1126/science.3353713
- Kochanska, G., Murray, K., & Harlan, E. T. (2000) Effortful control in early childhood: continuity and change, antecedents, and implications for social development *Developmental psychology*, 36 (2), 220–232. DOI 10.1037/0012-1649.36.2.220
- Leerkes, E. M., & Wong, M. S. (2012) Infant Distress and Regulatory Behaviors Vary as a Function of Attachment Security Regardless of Emotion Context and Maternal Involvement. *Infancy*, 17 (5), 455–478. DOI 10.1111/j.1532-7078.2011.00099
- Lengua, L. J. (2006) Growth in Temperament and Parenting as Predictors of Adjustment During Children's Transition to Adolescence. *Dev. Psychol.*, 42 (5), 819–832. DOI 10.1037/0012-1649.42.5.819
- Mazefsky, C. A., Borue, X., Day, T. N., & Minshew, N. J. (2014) Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms. *Autism Research*, 7, 344–354.
- Nader-Grosbois, N., & Mazzone, S. (2014) Emotion Regulation. *Personality and Social Adjustment in Children with Autism Spectrum Disorders Psychology*, 5 (15). DOI 10.4236/psych.2014.515182
- Neacsiu, A. D., Bohus, M., & Linehan, M. M. (2014) Dialectical Behavior Therapy: An Intervention for Emotion Dysregulation. In: J. J. Gross. (Ed.) *Handbook of Emotion Regulation*. NY: Guilford Press, 491–507.
- Naragon-Gainey, K., McMahan, T. P., & Chacko, T. P. (2017) The structure of common emotionregulation strategies: a meta-analytic examination. *Psychol. Bull.*, 143 (4), 384–427. DOI 10.1037/bul0000093
- Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Dolev, S., & Yirmiya, N. (2009) Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated *Child Development*, 80 (2), 519–527. DOI 10.1111/j.1467-8624.2009.01276.x

Ostfeld-Etzion, S., Hirschler-Guttenberg, Y., Laor, N., & Golan, O. (2015a) Self-regulated compliance in preschoolers with autism spectrum disorder: The role of temperament and parental disciplinary style. *Autism*, 20, 868–878. DOI 10.1177/1362361315615467

Ostfeld-Etzion, S., Golan, O., Hirschler-Guttenberg, Y., Zagoory-Sharon, O., & Feldman, R. (2015b) Neuroendocrine and behavioral response to social rupture and repair in preschoolers with autism spectrum disorders interacting with mother and father. *Mol. Autism*, 6, 11–24. DOI 10.1186/s13229-015-0007-2

Rothbart, M. K., Sheese, B. E., Rueda, M. R., & Posner, M. I. (2011) Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life. *Emotion Review*, 3 (2), 207–213. DOI 10.1017/S0954579400003096

Roth, G., Vansteenkiste, M., & Ryan, R. (2019) Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective *Development and Psychopathology*, 31, 1–12. DOI 10.1017/S0954579419000403.

Samson, A. C., Phillips, J. M., Parker, K. J., Shah, S., Gross, J. J., & Hardan, A. Y. (2014) Emotion Disregulation and the Core Features of Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 44, 1766–1772. DOI 10.1007/s10803-013-2022-5

Selby, E. A., & Joiner, Jr. T. E. (2009) Cascades of emotion: The emergence of borderline personality disorder from emotional and behavioral dysregulation. *Review of General Psychology*, 13 (3), 219–229. DOI 10.1037/a0015687

Sloan, E., Hall, K., Moulding, R., Bryce, S., Mildred, H., & Staiger, P. K. (2017) Emotion regulation as a transdiagnostic treatment construct across anxiety, depression, substance, eating and borderline personality disorders: a systematic review *Clin. Psychol. Rev.*, 57, 141–163. DOI 10.1016/j.cpr.2017.09.002

Smolewska, K., McCabe, S., & Woody, E. A. (2006) psychometric evaluation of the Highly Sensitive Person Scale: The components of sensory-processing sensitivity and their relation to the BIS/BAS and “Big Five”. *Personality and Individual Differences*, 40 (6), 1269–1279. DOI 10.1016/j.paid.2005.09.022

Urry, H. L., & Gross, J. (2010) Emotion Regulation in Older Age. *Current Directions in Psychological Science*, 19, 352–357. DOI 10.1177/0963721410388395

Waters, S. F., Virmani, E. A., Thompson, R. A., Meyer, S., Raikes, H. A., Jochem, R. (2009) Emotion Regulation and Attachment: Unpacking Two Constructs and Their Association. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 32, 37–47. DOI 10.1007/s10862-009-9163-z

Wolff de, M., & van IJzendoorn, M. (1997) Sensitivity and Attachment: A Meta-Analysis on Parental Antecedents of Infant Attachment. *Child development*, 68, 571–591. DOI 10.1111/j.1467-8624.1997.tb04218.x.

Zentner, M., & Bates, J. E. (2008) Child Temperament: An Integrative Review of Concepts, Research Programs, and Measures. *International journal of developmental science*, 2, 7–37. DOI 10.3233/DEV-2008-21203

Материал поступил в редакцию

The article was submitted

12.06.2020

Сведения об авторе

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Elena.dorosheva@mail.ru

Scopus Author ID 6504158742

AuthorID RSCI 95192

Information about the Author

Elena A. Dorosheva – PhD, Associate Professor of the Section of Comparative Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena.dorosheva@mail.ru

Scopus Author ID 6504158742

AuthorID RSCI 95192